

Европейский Суд по правам человека
Четвертая секция
Дело «Подколзина (Podkolzina) против Латвии»
(Жалоба № 46726/99)
Постановление
Страсбург, 9 апреля 2002 г.

В деле «Подколзина против Латвии» Европейский Суд по правам человека (Четвертая секция), заседая палатой в составе:

Сэра Николаса Братцы (Nicolas BRATZA), Председателя,

Э. Палм (E. PALM),

Е. Макарчука (J. MAKARCZYK),

В. Стражнички (V. STRÁŽNICKÁ),

М. Фишбаха (M. FISCHBACH)

Дж. Казадевалла (J. CASADEVALL),

Р. Марустэ (R. MARUSTE), судей,

при секретаре секции М. О'Бойле (M. O'BOYLE) провел 29 января и 19 марта 2002 г. совещание за закрытыми дверями и 19 марта 2002 г. вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело возбуждено по жалобе (№ 46726/99) на Латвийскую Республику, поданной в Суд 25 февраля гражданкой Латвии г-жой Ингридой Подколзиной (Ingrīda Podkolzina, *далее* - заявительница) согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* – Конвенция).

2. Заявительницу первоначально представляла г-жа И. Озиша (I. Oziša), помощник члена парламента Латвии. В письме от 2 мая 2001 г. заявительница информировала Суд о том, что *далее* ее интересы будет представлять г-н В. Боуринг (W. Bowring), адвокат, практикующий в Колчестере (Великобритания). Правительство Латвии (*далее* - правительство) было представлено своим уполномоченным лицом г-жой К. Малиновской (K. Maļinovska).

3. Заявительница утверждала, что ее исключение из списка кандидатов на всеобщих выборах из-за недостаточного знания латышского языка, официального языка Латвии, явилось нарушением ее права быть выдвинутой кандидатом на выборах, гарантированного статьей 3 Протокола № 1. Она также жаловалась на нарушение статьи 13 (по существу) и 14 Конвенции.

4. Жалоба была передана в ведение Второй секции Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Из состава секции для рассмотрения дела (пункт 1 статьи 27 Конвенции) в соответствии с пунктом 1 правила 26 была образована Палата. Г-н Э. Левитс (E. Levits), судья, избранный от Латвии, отказался от участия в рассмотрении дела (правило 28). В связи с этим, правительство назначило вместо него для участия в заседании г-на Р. Марустэ, судью, избранного от Эстонии (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

5. Решением от 8 февраля 2001 г. Палата объявила жалобу приемлемой [*Примечание Секретариата*:. Данное судебное решение можно получить в Секретариате].

6. После консультаций со сторонами Палата вынесла решение о том, что проведение слушаний по существу дела не требуется (пункт 2 правила 59). Правительство представило объяснения по существу дела, а заявительница - нет (пункт 1 правила 59). 2 мая 2001 г. заявительница передала свое требование о справедливой компенсации (статья 41 Конвенции). 4 июня 2001 г. правительство представило свои замечания на это требование.

7. 1 ноября 2001 г. Суд изменил состав секций (пункт 1 правила 25). Дело было передано в ведение Четвертой секции нового состава (пункт 1 правила 52).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявительница, гражданка Латвии, родилась в 1964 г., проживает в Даугавпилсе (Латвия) и принадлежит к русскоязычному меньшинству в Латвии.

9. Решением от 30 июля 1998 г. Центральная избирательная комиссия (*Centrālā vēlēšanu komisija*) зарегистрировала список кандидатов Партии национальной гармонии (*Tautas saskaņas partija*) для избрания в латвийский парламент (*Saeima*) 3 октября 1998 г. Заявительница входила в список кандидатов по Латгальскому избирательному округу.

При регистрации списка своих кандидатов Партия национальной гармонии представила в Центральную избирательную комиссию все документы, требуемые по закону «О парламентских выборах», включая копию свидетельства, подтверждающего знание заявительницей латышского языка - официального государственного языка. Свидетельство было выдано 23 января 1997 г. в г. Даугавпилс Постоянной комиссией лингвистической аттестации, подчиненной

Государственному языковому центру (*Valsts valodas centrs*), который является административным учреждением и, в свою очередь, подотчетен Министерству юстиции.

10. 6 августа 1998 г. штатный экзаменатор Инспекции государственного языка (*Valsts valodas inspekcija*), которая входит в состав Государственного языкового центра, пришел на работу к заявительнице и проэкзаменовал ее устно для оценки ее знания латышского языка. Поскольку заявительница не была уведомлена о визите, инспектор обратился к ней, когда она вела переговоры с деловыми партнерами.

Проинформировав заявительницу о намерении проверить уровень ее знания латышского языка, инспектор начал беседу с ней на этом языке. Во время разговора, продолжавшегося более получаса, инспектор спросил у заявительницы, среди прочего, почему она поддерживает Партию национальной гармонии, а не какую-либо другую партию.

На следующий день инспектор пришел вновь, но в сопровождении трех лиц, не известных заявительнице, которые должны были наблюдать за ней во время экзамена. Инспектор попросил заявительницу написать эссе на латышском языке. Заявительница согласилась и начала писать. Однако, находясь в состоянии сильного нервного напряжения, вызванного неожиданностью такого экзамена и постоянным присутствием наблюдателей за ходом экзамена, заявительница перестала писать и порвала свою работу.

11. После этого инспектор составил отчет, согласно которому знание заявительницей официального языка не соответствовало «третьему уровню» - самому высокому из трех уровней знания, определенных в латвийских нормативных актах.

12. 10 августа 1998 г. Государственный языковой центр направил председателю Центральной избирательной комиссии письмо, подтверждающее уровень знания официального языка рядом кандидатов, входящих в списки, зарегистрированные для парламентских выборов. Несмотря на то, что в письме содержалась ссылка на отчет, составленный инспектором Инспекции государственного языка, сам отчет к нему не был приложен. Из письма следовало, что только одна заявительница из девяти проэкзаменованных кандидатов не обладала знанием латышского языка на «третьем уровне». Остальные двенадцать кандидатов, которым не нужно было проходить экзамен, имели документы, подтверждающие, что они обладали знаниями на необходимом уровне.

13. Решением от 21 августа 1998 г. Центральная избирательная комиссия исключила заявительницу из списка кандидатов.

14. 27 августа 1998 г. Партия национальной гармонии обратилась от имени заявительницы в Рижский областной суд, чтобы обжаловать вышеуказанное решение. В своем заявлении партия указала, что в Центральную избирательную комиссию при регистрации списка кандидатов была представлена копия свидетельства, подтверждающего знание заявительницей государственного языка. Она также утверждала, что Центральная избирательная комиссия должна была принять во внимание этот свидетельств о вместо того, чтобы учитывать исключительно свидетельство, выданный Государственным языковым центром, поскольку эти два документа противоречили друг другу.

15. В окончательном решении от 31 августа 1998 г. Рижский областной суд отказал в удовлетворении жалобы на том основании, что Центральная избирательная комиссия действовала в рамках, установленных законом «О парламентских выборах». В своем решении областной суд отметил, что статья 11 этого закона сделала необходимым условием регистрации в качестве кандидата обладание свидетельством, подтверждающим знание официального языка на «третьем уровне» для тех кандидатов, которые не получили законченного начального или среднего образования на латышском языке. Соответственно, Центральная избирательная комиссия выполнила требования Закона, решив зарегистрировать список, содержащий имя заявительницы. С другой стороны, статья 13 закона наделяла Комиссию правом провести выверку уже зарегистрированных списков и вычеркнуть кандидатов, уровень знания официального языка которыми оказался недостаточным. В случае заявительницы неадекватность ее лингвистических знаний была подтверждена свидетельством Государственного языкового центра. Соответственно, Рижский областной суд вынес решение об отсутствии нарушения закона.

16. 14 сентября 1998 г. Партия национальной гармонии, выступая в интересах заявительницы как третья сторона, обжаловала это решение Председателю судебной палаты по гражданским делам Верховного Суда и Генеральному прокурору, ходатайствуя о возобновлении рассмотрения дела в связи с серьезным и явным нарушением норм материального права из-за неправильного толкования закона «О парламентских выборах».

Генеральная прокуратура и Председатель судебной палаты по гражданским делам Верховного Суда отклонили жалобы в своих письмах от 29 сентября и 1 октября 1998 г. соответственно, указав,

что областной суд мотивировал свое решение и что оно соответствовало закону.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО

A. Нормы о лингвистических требованиях к членам парламента и кандидатам на выборах в парламент

17. Статья 9 Конституции (*Satversme*) Латвийской Республики, принятой в 1922 году, предусматривает:

«В Парламент может быть избран каждый полноправный гражданин Латвии, которому ко дню выборов исполнился 21 год».

18. Соответствующие положения Закона от 25 мая 1995 г. «О парламентских выборах» (*Saeimas vēlēšanu likums*) имеют следующую формулировку:

Статья 4

«В Парламент может быть избран каждый полноправный гражданин Латвии, которому ко дню выборов исполнился 21 год, при условии, что на него не распространяются ограничения, установленные в статье 5 настоящего Закона»

Статья 5

«Не могут быть выдвинуты кандидатами или быть избранными в Парламент следующие лица:

...

(7) лица, не владеющие официальным языком на третьем (высшем) уровне знаний.»

Статья 11

«К списку кандидатов должны прилагаться следующие документы:

...

(5) заверенная копия... свидетельства о знании официального языка на третьем (высшем) уровне, если кандидат обучался в школе не на латышском языке ...»

Статья 13

«...

(2) После регистрации списки кандидатов не подлежат изменению и Центральная избирательная комиссия может внести в них только следующие поправки:

1. исключить кандидата из списка, если:

(а) кандидат не является полноправным гражданином (см. статьи 4 и 5 выше);

...

(3) ... кандидат подлежит исключению из списка на основании свидетельства соответствующего органа или решения суда. Тот факт, что кандидат:

...

7. не владеет официальным языком на третьем (высшем) уровне знания, должен быть подтвержден Государственным языковым центром;...»

19. Согласно статье 50 Закона от 28 июля 1994 г. «О правилах парламентской процедуры» (*Saeimas kārtības rullis*) латышский язык является единственным рабочим языком парламента и его комитетов. Все законопроекты и решения, возражения и вопросы депутатов, а также любые прилагающиеся к ним документы должны быть составлены на латышском языке.

Б. Нормы, регулирующие определение уровня владения официальным языком

20. Соответствующие положения закона о языках (*Latvijas Republikas Valodu likums*), действовавшего на тот момент времени и до 1 сентября 2000 г., содержали следующие формулировки:

Статья 1

«Официальным языком Латвийской Республики является латышский язык.»

Статья 4

«... Все представители государственных органов... должны понимать и использовать официальный язык и другие языки на уровне, который необходим им, чтобы выполнять

свои профессиональные обязанности. Требования к уровню лингвистических знаний этих лиц определяются постановлением Совета Министров ...»

Статья 6

«В государственных органах официальный язык подлежит использованию в качестве языка информационных документов и всех рабочих заседаний. Лица, не владеющие официальным языком, могут на рабочих заседаниях и с согласия других участников использовать другой язык. В тех случаях, когда это пожелание высказывается, по крайней мере, одним участником, организатор заседания должен обеспечить возможность перевода на официальный язык.»

Статья 7

«В Латвийской Республике ...учреждения и организации должны использовать официальный язык во всех официальных информационных документах и в корреспонденции, направляемой адресатам в пределах страны...»

21. В рассматриваемый период времени точные уровни знания латышского языка были установлены Положением от 25 мая 1992 г. «Об аттестации на знание государственного языка» (*Valsts valodas prasmes atestācijas nolikums*). Глава II Положения устанавливала требования для трех уровней знания латышского языка и в отношении третьего предусматривала следующее:

«Свободное владение устным и письменным языком требуется для представителей и работников, в чьи профессиональные обязанности входит управление предприятием и организация труда, или...частые контакты с жителями, [и для тех] чьи обязанности связаны с обеспечением благосостояния и здравоохранения населения (например, члены парламента, лица, управляющие государственными или административными органами или их структурными подразделениями, советами директоров, инспекциями или предприятиями, их заместители и секретари, старшие специалисты, советники, аудиторы, работники латвийских культурных, образовательных и научных учреждений, доктора, ассистенты докторов, юристы и судьи). ...

Данный уровень знаний официального языка подразумевает способность:

- (1) свободно говорить;
- (2) понимать тексты, выбранные наугад; и
- (3) писать тексты, имеющие отношение к сфере профессиональных обязанностей.»

22. Глава IV Положения предусматривала, что экзамены для оценки лингвистических знаний должны были организовываться аттестационными советами в составе девяти, семи или пяти членов, в зависимости от обстоятельств дела. Так, в совете для проверки лингвистических знаний работников фирмы должно было быть, по крайней мере, пять членов, включая одного представителя соответствующей отрасли, одного члена, делегированного муниципальным аттестационным советом, и специалистов по латышскому языку.

Глава VI Положения детально регулировала процедуру оценки лингвистических знаний тех лиц, которые были обязаны пройти экзамен. Каждый экзамен должен был включать письменную и устную части. Каждому кандидату должны были предоставлять от двадцати до тридцати минут для подготовки ответов на вопросы, заданные членами совета, которые могли задавать дополнительные вопросы, но, в принципе, должны были воздерживаться от того, чтобы перебивать кандидата. Уровень языковых знаний каждого кандидата затем оценивался по ряду различных критериев (его повествовательные, разговорные и письменные навыки, объем используемого словарного запаса и соблюдение грамматических правил). После экзамена члены совета обменивались мнениями между собой и затем принимали решение простым большинством голосов о том, какие кандидаты сдали экзамен. Если делегат муниципального аттестационного совета голосовал отрицательно, то кандидат, не добившийся успеха, мог обжаловать окончательное решение в совете, делегировавшем этого представителя. По каждому кандидату должен был составляться письменный отчет.

В. Нормы, регулирующие порядок обжалования решений избирательной комиссии

23. Статья 51 Закона «О парламентских выборах» (см. пункт 18 выше) предусматривает:

«Организация, представившая список кандидатов, или сами кандидаты могут обжаловать решение избирательной

комиссии в течение семи дней в суде, в территориальной юрисдикции которого находится соответствующая избирательная комиссия.»

24. Административные апелляции регулируются положениями Главы 24-А Гражданского процессуального кодекса Латвии (*Latvijas Civilprocesa kodekss*), которые применимы ко всем отношениям, регулируемым нормами административного права, кроме тех, для которых законом установлен особый порядок обжалования. Для вопросов, связанных с выборами, таким *lex specialis*¹ является Глава 23 Кодекса, соответствующие положения которой гласят:

Статья 230

«... кандидаты на выборах в Парламент Латвийской Республики ... могут оспорить решения избирательной комиссии посредством подачи апелляции в суд, в территориальной юрисдикции которого находится соответствующая избирательная комиссия.»

Статья 233

- «После рассмотрения апелляции суд вправе либо
- (1) постановить, что решение избирательной комиссии было принято в соответствии с законом и отклонить апелляцию, либо
 - (2) поддержать апелляцию и отменить решение избирательной комиссии.

Принятое судом решение обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента оглашения. Суд должен немедленно передать его копию Центральной избирательной комиссии...»

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 ПРОТОКОЛА № 1

25. Заявительница в своей жалобе указала, что исключение ее из списка кандидатов из-за недостаточного знания латышского языка нарушило ее право быть выдвинутой кандидатом на парламентских выборах, гарантированное статьей 3 Протокола № 1, которая предусматривает:

¹ Лат. «специальный закон» - прим. перев.

«Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти.»

А. Аргументы сторон

1. Правительство

26. Ссылаясь прежде всего на сложившиеся в судебной практике институтов Конвенции общие принципы понимания природы и объема гарантий, предусмотренных статьей 3 Протокола № 1, правительство отметило, что гарантированные в ней права не являются абсолютными и существуют возможности для «подразумеваемых ограничений», а также что Высокие Договаривающиеся Стороны имеют значительную свободу усмотрения в отношении норм, регулирующих право быть избранным. Однако эти положения не должны ограничивать избирательные права в такой степени, чтобы подрывать саму их сущность; ограничения должны вводиться для достижения законной цели, а используемые средства не должны быть несоразмерными.

27. Правительство указало, что обжалуемые лингвистические требования не существовали до 1995 г., и что в результате на первых парламентских выборах после восстановления государством своей независимости, в 1993 г. членами парламента стали ряд лиц, которые не говорили по-латышски и не понимали этого языка. Поскольку эти лица не могли понимать содержание дебатов в парламенте и его комитетах, его работа была серьезна затруднена. Поэтому, принимая новое законодательство о выборах, парламент решил потребовать от кандидатов доказательств владения ими официальным языком, для того чтобы избежать схожих практических трудностей в будущем. Таким образом, обжалуемая норма преследовала законные цели, а именно, обеспечение избирателям возможностей для общения с wybranными ими представителями, а членам парламента - для нормального выполнения работы, доверенной им избирателями.

28. Правительство далее заявило, что требование о высшем уровне владения официальным языком не подрывало саму сущность права быть выдвинутым в качестве кандидата, поскольку любой желающий этого, но не обладающий достаточным знанием латышского языка всегда мог достигнуть требуемого уровня, улучшив свои знания этого языка. В этом отношении данное требование было соразмерным преследуемой законной цели.

29. Что касается заявленной неправомерности проведения экзамена по латышскому языку, устроенного для заявительницы, правительство отметило, что этот экзамен имел целью определение текущего уровня знания языка кандидатом. То есть, хотя заявительница могла владеть латышским языком на «третьем уровне», когда в январе 1997 г. получила свидетельство о знании государственного языка, ее лингвистические навыки могли ухудшиться за 18 месяцев, которые прошли с указанной даты до данного экзамена.

В заключение правительство указало на то, что Центральная избирательная комиссия, исключая заявительницу из списка кандидатов, действовала в строгом соответствии с Законом «О парламентских выборах», чтобы не допустить какой-либо возможности произвола. Таким образом, по мнению правительства, не было нарушения статьи 3 Протокола № 1 в ущерб правам заявительницы.

2. Заявительница

30. Заявительница не согласилась с аргументами правительства. Прежде всего она указала на то, что латышский язык не является родным для русскоязычного меньшинства, которое составляет почти 40% населения Латвии, и к которому она принадлежит. Поэтому, она не понимала, как ее недостаточное знание латышского языка могло помешать ей выполнять задачи, доверенные ей ее русскоязычными избирателями, или помешать ей общаться с ними. В этой связи, даже если предположить, что ее знание латышского языка не соответствовало «третьему уровню», оно в любом случае являлось достаточным для того, чтобы позволить ей нормально выполнять ее парламентские обязанности. Она считала, поэтому, что ее исключение из списка кандидатов было явно несоразмерно любой законной цели, которую могло преследовать обжалуемое требование.

31. Кроме того, заявительница подвергла критике проверку ее знаний латышского языка, проведенную Инспекцией государственного языка, якобы в соответствии со статьей 13(3) Закона «О парламентских выборах». Она, в частности, оспаривала необходимость такой проверки, поскольку действительность и подлинность ее постоянного свидетельства о знании государственного языка не ставилась под сомнение ни одним национальным органом власти. Более того, сравнивая эту проверку с обычной процедурой аттестации лингвистических знаний, которую ей нужно было пройти в 1997 г для получения свидетельства, она

указала на то, что экзамен на получение свидетельства проводится советом, состоящим, по крайней мере, из пяти членов, тогда как оспариваемая проверка была проведена одним инспектором. Далее, обычная процедура аттестации определена нормативным актом, содержащим критерии оценки, которые заявительница считала объективными и разумными. Напротив, при проведении оспариваемой проверки от инспектора не требовалось соблюдения этих критериев, и он имел полную свободу в оценке уровня знаний заявительницы. В частности, речевые и орфографические ошибки были неизбежны ввиду крайне нервного состояния заявительницы, вызванного поведением экзаменатора. На основании этого заявительница утверждала, что проверка ее уровня владения латышским языком, которая привела к исключению ее из списка кандидатов, была проведена явно неправомерным образом.

32. Далее заявительница подвергла критике тот факт, что из 21 кандидата, которые обладали свидетельствами, подтверждающими знание латышского языка на «третьем уровне», лишь девяти кандидатам, в том числе и ей, пришлось пройти данную проверку, тогда как свидетельства других 12 кандидатов были признаны достаточными для установления их уровня владения языком. По мнению заявительницы, поскольку во внутреннем праве не было оснований для подобной дифференциации, такой факт подтверждал наличие неправомерного отношения к ней.

В свете вышеуказанных обстоятельств заявительница утверждала, что имело место нарушение ее права по статье 3 Протокола № 1 быть выдвинутой кандидатом на выборах.

Б. Мнение Суда

33. Суд повторяет, что субъективное право избирать и быть избранным является подразумеваемым правом по статье 3 Протокола № 1. Хотя оно имеет важное значение, оно не абсолютно. Поскольку статья 3 признает его, не упоминая в прямо выраженной форме и не давая, тем более, никаких определений, то существуют возможности для «подразумеваемых ограничений». В своих внутренних законодательствах Высокие Договаривающиеся Стороны обуславливают право избирать и быть избранным определенными требованиями, что, в принципе, не запрещено статьей 3. В этой области у них существует значительная свобода усмотрения, но Суд вправе, как последняя инстанция, определять, были ли соблюдены требования Протокола № 1; он должен убедиться, что эти требования не ограничивают рассматриваемое право в такой степени, что затрагивают саму его сущность и лишают

эффективности; что они установлены для достижения законной цели; и что примененные средства являются соразмерными (см. дело *Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium*, постановление от 2 марта 1987 г., Серии А № 113, стр. 23, § 52; дело *Gitonas and Others v. Greece*, постановление от 1 июля 1997 г., *Сборник постановлений и решений* 1997-IV, стр. 1233-34, § 39; дело *Ahmed and Others v. the United Kingdom*, постановление от 2 сентября 1998 г., *Сборник* 1998-VI, стр. 2384, § 75; и дело *Labita v. Italy* [GC], №26772/95, § 201, ECHR 2000-IV).

Государства-члены располагают, в частности, широкими возможностями при установлении конституционных норм о правовом статусе членов парламента, в том числе критериев для отказа в праве стать депутатом. Эти критерии, хотя и имеют общий источник – необходимость обеспечения и независимости избранных депутатов и свободы волеизъявления избирателей, варьируются в соответствии со специфическими для каждой страны историческими и политическими факторами. Множественность вариантов, предусмотренных конституциями и законодательством о выборах многочисленных государств-членов Совета Европы, демонстрирует большое разнообразие возможных подходов в этой области. В целях применения статьи 3 любое законодательство о выборах должно оцениваться в свете политической эволюции соответствующей страны, поскольку особенности, которые могут быть неприемлемыми в контексте одной системы, могут быть оправданны в контексте другой. Однако свобода усмотрения государства в этом отношении ограничена обязательством соблюдать основополагающий принцип статьи 3, а именно «свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти» (см. упомянутое выше дело *Mathieu-Mohin and Clerfayt*, стр. 23-24, § 54).

34. Суд отмечает, что в рассматриваемом деле заявительница была исключена из списка кандидатов в соответствии с пунктом 7 статьи 5, Закона «О парламентских выборах», который лишает соответствующего права лиц, не владеющих латышским языком на «высшем» уровне. Согласно заявлению правительства требование к кандидату понимать латышский язык и разговаривать на нем было вызвано необходимостью обеспечить надлежащее функционирование парламента, в котором латышский язык является единственным рабочим языком. Оно подчеркнуло, в частности, что целью данного требования являлось обеспечение депутатам возможности принимать активное участие в работе парламента и эффективно отстаивать интересы своих избирателей.

Суд не может оспаривать данный аргумент. Он считает, что заинтересованность каждого государства в обеспечении нормального функционирования своей собственной институциональной системы является бесспорно законной. Это тем более применимо к национальному парламенту, который наделен законодательной властью и играет первостепенную роль в демократическом государстве. Аналогичным образом, Суд не обязан занимать какую-либо позицию в отношении выбора рабочего языка национального парламента, учитывая отмеченный выше принцип уважения национальных особенностей. Это выбор, который определяется специфическими для каждой страны историческими и политическими обстоятельствами, в принципе является таким, что его вправе сделать только государство. Соответственно, учитывая свободу усмотрения государства-ответчика, Суд приходит к выводу, что требование, согласно которому кандидат на выборах в национальный парламент должен обладать достаточными знаниями официального языка, преследует законную цель.

35. Вследствие этого Суд должен определить, было ли решение об исключении заявительницы из списка кандидатов соразмерным преследуемой цели. В этой связи Суд повторяет, что предназначение Конвенции, которая является инструментом защиты человека, требует толкования и применения ее статей таким образом, чтобы их положения были не теоретическими и не иллюзорными, а практическими и эффективными (см., например, дело *Artico v. Italy*, постановление от 13 мая 1980 г., Серии А № 37, стр. 15-16, § 33; дело *United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*, постановление от 30 января 1998 г., *Сборник* 1998-I, стр. 18-19, § 33; и дело *Chassagnou and Others v. France* [GC], №№ 25088/94, 28331/95 и 28443/95, § 100, ECHR 1999-III). Право быть выдвинутым кандидатом на выборах, гарантированное статьей 3 Протокола № 1 и являющееся неотъемлемой частью концепции действительно демократического режима, было бы всего лишь иллюзорным, если бы в любой момент можно было произвольно лишить человека этого права. Следовательно, хотя государство несомненно обладает значительной свободой усмотрения, когда оно абстрактно определяет условия для реализации этого права, принцип, согласно которому права должны быть действенными, требует, чтобы вывод о том, что тот или иной кандидат не отвечает этим условиям, удовлетворял ряду критериев, имеющих целью предотвращение принятия произвольных решений. В частности, такой вывод должен делать орган, который может предоставить какой-то минимум гарантий своей беспристрастности. Аналогичным образом, право усмотрения, имеющееся у соответствующего органа, не должно

быть чрезмерно широким; внутреннее законодательство должно достаточно точно обозначать его пределы. Наконец, процедура принятия решения об отказе в праве быть выдвинутым кандидатом должна гарантировать справедливость и объективность решения и предотвращать любое злоупотребление властью со стороны соответствующих органов.

36. Суд отмечает, что в настоящем деле решение об исключении заявительницы из списков кандидатов не было основано на факте отсутствия у нее действительного свидетельства о знании языка, который требовался согласно пункту 5 статьи 11 Закона «О парламентских выборах». Напротив, на момент регистрации списка кандидатов она обладала свидетельством о знании латышского языка на высшем уровне, установленном латвийскими нормативными актами. Суд подчеркивает, что действительность свидетельства заявительницы никогда не ставилась под сомнение латвийскими властями. Он далее отмечает, что свидетельство было выдано заявительнице после экзамена, организованного советом, состоявшим из пяти экзаменаторов в соответствии с Положением от 25 мая 1992 г. «Об аттестации на знание государственного языка». Ее знание латышского языка было определено путем обмена мнениями между экзаменаторами, которое завершилось голосованием, и в соответствии с объективными критериями оценки, установленными данным Положением (см. пункт 22 выше).

Суд обращает внимание на то, что Государственный языковой центр решил подвергнуть заявительницу новому языковому экзамену несмотря на то, что у она обладала действительным законным свидетельством. Суд также отмечает, что из двадцати одного кандидата, представивших свидетельства о знании государственного языка, лишь девять, включая заявительницу, были обязаны сдавать второй экзамен. Суд испытывает серьезные сомнения относительно юридических оснований для такого особого отношения к ним, а правительство не предоставило никаких объяснений по этому вопросу. В любом случае, даже если предположить, что юридическим основанием для дополнительной проверки была статья 13(3) Закона «О парламентских выборах», Суд отмечает, что имевшая место процедура проверки существенно отличалась от обычной процедуры аттестации лингвистических знаний, которая регулируется вышеупомянутым Положением от 25 мая 1992 г. В частности, дополнительная проверка, которой подверглась заявительница, проводилась одним экзаменатором, а не советом экспертов и экзаменатор не был обязан соблюдать процессуальные гарантии и критерии оценки, установленные в этом

Положении. Таким образом, вся ответственность за оценку лингвистических знаний заявительницы была возложена на единственного государственного служащего, который в данном деле обладал чрезмерной властью. Более того, Суд может лишь выразить свое удивление по поводу того факта (который был сообщен заявительницей и не оспорен правительством), что во время экзамена заявительницу в основном расспрашивали о причинах ее политической ориентации – предмете, который совершенно точно не имел отношения к норме, требующей от нее хорошего знания латышского языка.

Таким образом, Суд считает, что при отсутствии гарантий объективности, независимо от цели второго экзамена, примененная к заявительнице процедура была в любом случае не совместима с требованиями процессуальной справедливости и правовой определенности, которые необходимо соблюдать применительно к праву быть выдвинутым кандидатом на выборах (см. пункт 35 выше).

37. Суд считает, что сделанный выше вывод подтверждается тем, каким образом Рижский областной суд рассмотрел апелляцию заявительницы. Единственной основой для его решения от 31 августа 1998 г. стало свидетельство, выданное Государственным языковым центром после оспариваемого экзамена; он вынес решение не принимая во внимание другие материалы дела. Суд поэтому считает, что, признав в качестве неопровержимого доказательства результаты экзамена, в процедуре проведения которого отсутствовали основополагающие гарантии справедливости, областной суд намеренно уклонился от предоставления средства судебной защиты от совершенного правонарушения.

38. Принимая во внимание все вышеизложенные соображения, Суд пришел к выводу, что решение исключить заявительницу из списка кандидатов не может рассматриваться как соразмерное какой-либо из законных целей, на которые указывает правительство. Следовательно, в настоящем деле имело место нарушение статьи 3 Протокола № 1.

II. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 3 ПРОТОКОЛА № 1

39. Заявительница в своей жалобе также указала на то, что, отказывая ей в праве быть выдвинутой кандидатом на парламентских выборах лишь по причине незнания латышского языка на самом высоком уровне, установленном внутренними

нормативными актами, власти Латвии подвергли ее дискриминации, запрещенной статьей 14 Конвенции, при реализации ею своего права по статье 3 Протокола № 1. Соответствующие положения статьи 14 предусматривают:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку... языка, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам... или по любым иным признакам».

40. Правительство отметило, что в соответствии с постановлением Суда от 23 июля 1968 г. по делу, *«относящемуся к определенным аспектам законов об использовании языков в образовании в Бельгии»* (по существу) (Серии А № 6), равенство правового положения, провозглашенное статьей 14 Конвенции, нарушается лишь в тех случаях, когда особый подход не имеет объективного и разумного обоснования (см. указанное постановление, стр. 34-35, § 10). Излагая свои доводы в связи с заявленным нарушением статьи 3 Протокола № 1, при его отдельном рассмотрении, правительство утверждало, что подвергнутый критике особый подход имел такое обоснование. Оно, в частности, указало, что заявительница не была единственным кандидатом в своем списке, который должен был пройти проверку своих лингвистических знаний. Соответственно, нарушения статьи 14 не было.

41. Заявительница отвергла этот аргумент. Она отметила, что то, каким образом была проведена такая проверка и практически полная свобода, которая была у экзаменатора, легко позволяли исключить из списка любое лицо, для которого латышский не был родным языком. В результате возникала опасность действительно дискриминационной практики в отношении представителей национальных меньшинств. Заявительница далее утверждала, что из двадцати одного кандидата, обучение которых не велось на латышском языке, только девять, включая ее, были обязаны пройти вышеуказанный экзамен. Поэтому она сделала вывод о наличии скрытой дискриминации.

42. Суд считает, что данная жалоба по сути аналогична жалобе по статье 3 Протокола № 1. Учитывая сделанный в отношении нее вывод (см. пункт 38 выше), Суд считает, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу по статье 14 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ В СОЧЕТАНИИ СО СТАТЬЕЙ 3 ПРОТОКОЛА № 1

43. На основании статьи 13 Конвенции в сочетании со статьей 3 Протокола № 1 заявительница жаловалась, что Рижский областной суд, ограничившись подтверждением вывода, изложенного в выданном административным органом свидетельстве, а также не устанавливая истины и не принимая во внимание другие представленные ему доказательства, нарушил ее право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе. Статья 13 предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.»

44. Правительство утверждало, что Государственный языковой центр был единственным органом, уполномоченным определять уровень знания государственного языка кандидатом. Оно отметило, что заявительница имела возможность беспрепятственно использовать свое право на средство судебной защиты посредством апелляции в Рижский областной суд. На слушаниях 31 августа 1998 г. этот суд обстоятельно изучил представленные ему доказательства, прежде чем постановил, что обжалуемая мера соответствовала Закону «О парламентских выборах». Поскольку жалоба заявительницы была рассмотрена областным судом по существу, нет оснований считать, что предоставленное латвийским правом средство правовой защиты не было эффективным в свете требований статьи 13 Конвенции.

45. Как и в отношении статьи 14, Суд считает, что выводы, к которым он пришел при рассмотрении заявленного нарушения статьи 3 Протокола № 1 отдельно (см. пункты 37-38 выше), также освобождают его от необходимости рассматривать дело с точки зрения статьи 13 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

46. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.»

А. Материальный ущерб

47. Заявительница утверждала, что исключение ее из списка кандидатов имело неблагоприятные последствия для ее экономического положения. В этой связи она заявила, что негативная шумиха вокруг нее, последовавшая за ее исключением из списка, повергла ее в состояние глубокого расстройства и разочарования, что помешало ей нормально осуществлять свою коммерческую деятельность и оттолкнуло от нее потенциальных деловых партнеров. Помимо этого, свидетельство, в котором Государственный языковой центр указал, что она не владеет латышским языком на высшем уровне, фактически означало, что с этого времени она не могла занимать должность управляющего директора, что привело к ее увольнению со своей работы. С тех пор она не смогла найти подходящей работы, за исключением работы с неполной занятостью в различных частных малых предприятиях. Поэтому, заявительница просила Суд присудить ей 1500 лат за понесенные ею убытки и утраченный заработок.

48. Правительство заявило об отсутствии связи между заявленным нарушением и требуемой заявителем суммой. Оно, в частности, отметило, что она решила уволиться со своей должности в компании по собственному желанию. Даже если она опасалась, что неблагоприятное заключение Государственного языкового центра может нанести вред ее профессиональной деятельности, она всегда могла обратиться с просьбой о новой проверке своих лингвистических знаний, но она этого не сделала.

49. Суд считает, как и правительство, что причинно-следственная связь между заявленным материальным ущербом и выявленным нарушением не установлена (см. дело *Van Geyseghem v. Belgium* [GC], №26103/95, § 40, ECHR 1999-I, и дело *Nikolova v. Bulgaria* [GC], №31195/96, § 73, ECHR 1999-II). Соответственно, Суд отклоняет требование заявительницы в этой части.

Б. Моральный вред

50. Заявительница потребовала 50000 лат (приблизительно 89000 евро) в качестве компенсации за страдания и унижения, перенесенные ею в результате исключения из списка кандидатов. В свете критериев, установленных Судом по вопросу компенсации морального вреда, она отметила, что ее дело касалось серьезного нарушения основных прав, гарантированных Конвенцией, и что требуемая сумма была обоснованна с точки зрения перенесенных ею страданий в результате данного нарушения.

51. Правительство сочло сумму, требуемую заявительницей, чрезмерной, в частности, учитывая стоимость жизни и размер доходов в Латвии в настоящее время. По его мнению, само признание нарушения может быть достаточным и справедливым удовлетворением за моральный вред, который мог быть причинен заявительнице.

52. Суд повторяет, что моральный вред должен оцениваться по автономным критериям, выработанным им на основе Конвенции, а не принципов, определенных в законе или практике соответствующего государства (см., *mutatis mutandis*², дело *The Sunday Times v. the United Kingdom (№ 1)* (Статья 50), постановление от 6 ноября 1980 г., Серии А № 38, стр. 17, § 41, и дело *Probstmeier v. Germany*, постановление от 1 июля 1997 г., *Сборник* 1997-IV, стр. 1140, § 77). В настоящем деле Суд не может отрицать, что заявительнице причинен моральный вред в результате лишения ее возможности быть выдвинутой кандидатом на всеобщих выборах. Соответственно, с учетом требования справедливости и всех обстоятельств дела Суд присуждает заявительнице в качестве компенсации морального вреда 7500 евро, которые подлежат переводу в латы по курсу, действующему на дату вынесения настоящего постановления.

В. Издержки и расходы

53. Заявительница потребовала 1750 латов (приблизительно 3150 евро) в качестве компенсации за издержки и расходы, понесенные в связи с подготовкой ее дела и его представлением в Суде. Данная сумма была разбита на следующие составляющие:

(a) 750 латов за работу, проделанную г-жой И. Озишей, представителем заявительницы до 2 мая 2001 г. В обоснование этой суммы заявительница представила счет, выставленный Латвийским комитетом по правам человека (*Latvijas Cilvēktiesību komiteja*), неправительственной организацией;

(b) 1000 фунтов стерлингов (приблизительно 1000 латов) в качестве гонорара ее адвокату г-ну В. Боурингу, который подготовил замечания заявительницы по приемлемости и существу жалобы, а также помог составить ее требования о справедливой компенсации.

54. Правительство оставило этот вопрос на усмотрение Суда.

55. Суд повторяет, что для того, чтобы издержки были включены в присуждаемую сумму по статье 41 Конвенции,

² Лат. «с учетом различий» - прим. перев.

надлежит установить, что они фактически имели место, были необходимы и являются разумными по сумме (см., среди прочих, упомянутое выше дело *Nikolova*, § 79, и дело *Jėčius v. Lithuania*, № 34578/97, § 112, ECHR 2000-IX). В настоящем деле Суд отмечает некоторую путаницу в документах, представленных в качестве доказательств того, что заявительница получала правовую помощь, как в Латвии, так и за ее пределами, поскольку в деле нет документов, свидетельствующих, что ассоциация *Latvijas Cilvēktiesību komiteja* как таковая участвовала в разбирательстве дела в Суде. Однако из текста счета, представленного заявительницей, следует, что ее интересы защищала г-жа И. Озиша, которая работает в этой ассоциации. Что касается г-на В. Боуринга, Суд был проинформирован о его участии в разбирательстве только 2 мая 2001 г., то есть после объявления жалобы приемлемой, хотя на доверенности, подписанной заявительницей и отправленной в Суд в тот же день, стоит гораздо более ранняя дата – 15 октября 2000 г.

С учетом этих обстоятельств и требования справедливости, содержащегося в статье 41 Конвенции, Суд присуждает заявительнице в этой части сумму в 1500 евро, которая подлежит переводу в латы по курсу, действующему на дату вынесения настоящего постановления, плюс сумму для возможной уплаты любого налога на добавленную стоимость (см. дело *A. v. the United Kingdom*, постановление от 23 сентября 1998 г., *Сборник* 1998-VI, стр. 2702, § 37).

Г. Проценты в случае просроченного платежа

56. В соответствии с имеющейся у Суда информацией действующая в Латвии согласно закону процентная ставка составляет на дату вынесения настоящего постановления 6% в год.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 3 Протокола № 1.
2. *Постановил*, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу по статье 14 Конвенции.
3. *Постановил*, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу по статье 13 Конвенции.
4. *Постановил*,
 - (а) что государство-ответчик обязано выплатить заявительнице в течение трех месяцев с даты, когда постановление станет окончательным согласно пункту 2 статьи 44 Конвенции, 7500

(семь тысяч пятьсот) евро в качестве компенсации морального вреда и 1500 евро (одну тысяча пятьсот) в качестве возмещения судебных расходов, которые подлежат переводу в латы по курсу, действующему на дату вынесения настоящего постановления, плюс средства для возможной уплаты любого налога на добавленную стоимость;

(б) что по истечении вышеуказанных трех месяцев на присужденные суммы выплачиваются простые проценты по годовой ставке 6% в течение периода неплатежа.

5. *Отклонил* остальные требования заявительницы о выплате справедливой компенсации.

Совершено на французском языке и письменное уведомление направлено 9 апреля 2002 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Майкл О'Бойл
Секретарь

Сэр Николас Братца
Председатель